

Vobořil, Ladislav

[Шмелева, Е.Я.; Шмелев, А.Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр]

Opera Slavica. 2005, vol. 15, iss. 2, pp. 52-55

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117735>

Access Date: 01. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

разойтись мнениями atd. NN / NN: *счет утрат, счет утратам*; NN / AN: *рука матери. материнская рука* (zde už však cítíme i sémantický rozdíl); NprepN / AN: *поляна в лесу, лесная поляна* atd. V publikaci se neuvádějí tříčlenné řady, které ovšem také existují, srov.: *контроль за чем, контроль над чем, контроль чего*. Zajímavý je i materiál lexikálních variant, především různé způsoby univerbizace, srov.: *безнал (безналичный расчет), секретка (замок с секретом), инкор (иностраннный корреспондент)* atd. Funkční varianty představují případ, kdy jeden designát má několik odpovídajících označení, která jsou z hlediska užití většinou ve vztahu komplementární distribuce, i když někdy může jít i o volnou distribuci: *комиссионный магазин* (spisovný, kodifikovaný variant), *комиссионка* (spisovný, hovorový variant), *комок* (slangový variant). V rámci spisovného jazyka se variantnost chápe jako důležitý dynamizující a zároveň stabilizující faktor. Připomínají se opozice *spisovný jazyk – dialekty, spisovný jazyk – sociolekty*, pro ruštinu typická *spisovný jazyk – просторечье*. Rozebírají se komutativní modely a pseudokomutativní dvojice. Materiál v práci uvedený by se dal využít i pro stylistická cvičení.

Závěrem tedy konstatujeme, že publikace J. Sokolové je užitečná jak pro obecně lingvistický dosah zkoumané problematiky, tak pro bohatý a aktuální verifikační materiál.

Zdeňka Trösterová

Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.: Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с. (Studia philologica. Series minor).

Угнетающая атмосфера тоталитарного советского государства долгое время не давала анекдотам (особенно политическим) появляться публично, рассказывать анекдоты (далее а.) было делом рискованным. Однако, как своеобразный устный жанр народного, прежде всего, городского фольклора он процветал, служа своего рода «отдушиной», отпускаящей накопившееся психическое давление. Общественно-политические сдвиги второй половины 80-х и начала 90-х годов вынесли а. из полутемного подполья на свет божий. Он занял свои позиции во всех СМИ, включая Интернет, издается томами и, наконец-то, стал объектом научного освещения. Без преувеличения можно говорить об особой моде на анекдот. Прежде чем перейти к представлению рецензируемой книжки, хочется все-таки упомянуть о некоторых других работах 90-х годов ХХ века, посвященных а. и свидетельствующих о многоаспектном характере этого феномена.

Историческим развитием а. вплоть до современного понимания его как короткого шутливого и остроумного рассказа, обычно вымышленного, с неожиданной концовкой занимаются В. А. Невская (1992), С. А. Егорова (1997), А. Е. Чекунова (1997); соотношение а. с другими жанрами (сказка, басня, загадка), композиция жанра, сюжеты и темы, герои и их происхождение, сериальность анализируются Е. Кургановым (1997), О. А. Чирковой (1997, 1998), О. В. Пушкаревой (1996), А. Белоусовым (1996); сюжеты, герои и ситуации подробно системизированы Л. А. Барским (1994); проблемы жанровой трансформации советского и постсоветского а.

обсуждаются И. Каспэ (2000); общественно-политический фон существования а. в советскую эпоху и способность немедленно реагировать на жизненные события приближают Р. Янгиров (1998), Ю. Боров (1995), М. С. Петровский (1990), З. Абдулаева (1993), С.А. Шинкарчук (1997), М. Зенюк (1990). С учетом основных понятий когнитивной теории, лингвокультурологии, психо- и социолингвистики подходят к проблеме анекдотического юмора и смеха О. М. Месропова (1999), С. В. Доронина (1998), М. А. Панина (1996), К. Ф. Седов (1998), В. Руднев (1990), А. Левинсон (1999).

В своей небольшой по объему книжке Елена Яковлевна Шмелева, старший научный сотрудник Института русского языка РАН, и Алексей Дмитриевич Шмелев, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, пошли еще по другому, в сравнении с приведенными выше направлениями изучения а., пути, который можно обозначить как лингвопрагматический. Подвергая анализу современные русские а. 60 – 90 гг. XX века., они фокусируются на языковом оформлении речевого жанра а. (далее РЖа), стараясь дать ответ на вопрос, какие языковые средства надо выбирать, чтобы рассказываемый текст был аудиторией воспринят как РЖа. Книга является синтезом наблюдений, представленных ранее в рамках научных статей и докладов.

В первой главе авторами дифференцируются понятия *речевой жанр* (рассказывание анекдота как особый РЖ) и функционирующий в его рамках текст. Один и тот же текст может использоваться в разных РЖ, и поэтому его надо видоизменить, подобрав такие языковые средства, чтобы он был воспринят в соответствующем режиме. Важными жанровыми особенностями рассказывания анекдота являются *воспроизводимость* (рассказчик, как правило, – не автор текста) и *новизна* (если рассказывать уже известной аудитории а., то речь идет о другом РЖ – напоминании а.). По мнению авторов, а. – это скорее *изобразительный*, чем *повествовательный жанр*, это «*представление, производимое единственным актером*».

Вторая глава посвящена членению текста РЖа на три языковых слоя: *метатекстовый ввод*, способствующий идентификации жанра, содержащий такие обороты, как, напр., *Слышал а. про ...?; Кстати, знаете а. о ...?; Это как в том а. о ...*, и собственно текст а., который разбивается на текст от автора-рассказчика и *речь персонажей*. Авторский текст подчинен требованиям изобразительности, вследствие чего на первое место рассказчик ставит, как правило, глагол в форме настоящего времени несовершенного вида, так наз. «настоящее изобразительное», после которого следует подлежащее – наименование героя(ев) а., а затем другие члены предложения. Прошедшее время совершенного вида употребляется реже. Это типичное начало дает возможность слушателю попасть в середину действия без экспозиции. Число героев а. ограничено, они имеют свои *характерные приметы* и *речевую маску*, благодаря которым они и узнаваемы. Так, напр., Ленина узнают по *грассированию*, использованию обращения *батенька*, прилагательных и причастий с элементом *архи-*, по намекам на лысину, бородку, небольшой рост, жесты. Речевые характеристики персонажей часто коррелируют с чертами их характера.

Третья – шестая главы посвящены подробному анализу языковых черт речи некоторых персонажей русского а., в частности, представителей этнических меньшинств (грузины, чукчи, евреи, украинцы), новых русских, представителей других народов мира (так наз. мультинациональные а.), героев телеэкрана (Чапаев, Штир-

лиц, поручик Ржевский, Винни Пух и Пятачок, Гена и Чебурашка) и некоторых политиков (Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев, Ельцин и Путин). В этнических а. предметом осмеяния являются прежде всего этностереотипы, способы поведения и речи, воспринимаемые как отклонение от тех, которые свойственны языку и этносу рассказчика. В а. часто обыгрывается акцент иностранцев, использование прагматически насыщенных словечек (*однако* (чукчи), *обидно, да?* (грузины), *-таки* (евреи), *элементарно* (Холмс), *в натуре, ну ты че* (новые русские)) и синтаксических конструкций. Вышесказанное можно показать на примере чукчи. Анекдотический чукча – это природный человек, воспринимающий городскую среду с учетом законов тайги, но по-своему он хитер и умен. Произношению чукчей подражается путем произнесения свистящих вместо шипящих. Словарный запас чукчи очень бедный. К яркой речевой характеристике его принадлежит использование слова *однако*, которое выражает *несоответствие тому, что можно было ожидать*. Такое употребление «однако» соответствует общему внутреннему состоянию чукчи в а. – пассивному изумлению перед окружающим миром и недоумению человека, столкнувшегося с непривычной для него цивилизацией (с. 54). Это психическое состояние подчеркивается употреблением чукчей местоимения *он* вместо *я*. К собеседникам чукча обращается на *ты*, подобно как дети или люди, не затронутые цивилизацией. Подобным образом авторы характеризуют всех приведенных выше персонажей.

Седьмая глава отведена особому структурному типу русского а. – анекдоту-загадке, представленному общезвестным циклом а. об Армянском радио. От настоящей загадки а.-загадка отличается тем, что не предполагает активного участника собеседника, сам рассказчик дает остроумный ответ. Диалог в этих а. – это мнимый диалог между слушателями и Армянским радио, исполняемый одним рассказчиком. В книге делается попытка проследить корни этого типа а. Причины их возникновения авторы усматривают, во-первых, в весьма популярных радиопередачах 60-х годов, отвечавших на вопросы слушателей, причем известно, что многие вопросы придумывались самими авторами с целью удовлетворить идеологическим требованиям. Во-вторых, в популярных когда-то армянских загадках и, в-третьих, а. об армянах начала XX века. Армянское радио как персонаж, с одной стороны, несет многие черты армянского мужчины (патриотизм, склонность к бизнесу, озбоченность сексом), с другой стороны, это рядовой советский человек. Вторая часть этой главы отведена лексико-грамматическому анализу данных вопросов, на первый взгляд наивных, но не лишенных *ехидства* (с. 105). Все вопросы инициативные; больше половины замкнутых вопросов начинаются со слов *Можно* или *может ли ... ?*, дальше по частоте следуют вопросы *Будут/Будет ли* и вопросы истинности *Правда ли ?* Ответная реплика никогда не содержит прямого ответа на вопрос, она представлена чаще всего уступительно-противительной конструкцией *Можно, но...*, первичный вопрос переосмыслиется с использованием неоднозначности лексических единиц и синт. конструкций.

Последние две главы названы «Проблемы вариативности и интертекстуальных связей анекдота» и «Системные связи и структура анекдота». Тут авторы различают понятия межжанровой вариативности, под которой подразумевают процессы адаптации текста к требованиям РЖ, и интертекстуальности, т. е. использованию в а. намеков на разные виды текстов, или, наоборот, упоминание а. в текстах других РЖ. В рамках внутрижанровой вариативности они различают свободное варьирование

(способность рассказывать один и тот же а. в зависимости от культуры и состояния рассказчика) и культурную адаптацию (степень возможности переноса а. в другую культурную среду). В самом конце коротко комментируется жанровая двуступенчатая структура анекдота (зачин и концовка), несоответствие элементов которой заставляет переинтерпретировать текст в свете новой информации (принцип обманутого ожидания). Все рассуждения и утверждения авторов показаны на многочисленных текстовых примерах.

Книга не претендует на исчерпывающий охват данной проблематики, ее можно считать скорее научно-популярной, предназначенной более широкой публике, чем сугубо научной публикацией. Самым ценным, по нашему мнению, является, прежде всего, тонкий анализ языка героев русского анекдота. В книге содержится весьма богатый практический материал, который, непременно, много раз рассмешит читателя, но она служит и своего рода путеводителем по широким просторам русского а., источником поучения и ключом для понимания, главным образом, иностранцами или молодым поколением соли русского анекдота.

Ladislav Vobořil

Своєчасне і своєрідне монографічне дослідження

Holub, Z.: Doudlebské nářečí a slovník. České Budějovice. Roční období 2004, 420 s. ilustrácie.

Одним з головних завдань посткомуністичних країн Центральної і Південно-Східної Європи, в тому числі Чехії і Словаччини, є підтримка розвитку регіонів згідно з регіональною політикою Європейського Союзу (ЄС). Метою цієї політики є усунення відмінностей між окремими регіонами не тільки в галузі економіки, але й розвитку культури, дослідження культурної спадщини та збереження пам'яток історії й культури. З цією метою були створені структуральні фонди ЄС, покликані надавати допомогу окремим регіонам на основі пред'явлених проектів.

Згідно з регіональною політикою ЄС дуже важливе значення набуває питання визначення регіону як територіальної одиниці. Значним вкладом в розробку цієї проблематики вважаю монографію Збінка Голоуба та інших авторів *Doudlebské nářečí a slovník*, що побачила світло минулого року у видавництві "Періоди року" в Чеських Будейовіцах. Їх докладна розробка цього питання має не тільки локальне, але й загальнонаціональне і навіть міжнародне значення. Адже досі ніхто з вчених так широко не займався регіональною проблематикою, як це зробили автори рецензованої монографії на прикладі конкретного регіону, в даному разі південночеського. Новизна їх дослідження полягає також в тому, що питання регіону вони розглядають не тільки з історичного, територіального, адміністративного чи економічного, але й з мовного та етнічного аспектів. Кажучи словами І. Марвана, вони "заводять нас з традиційної матеріальної геосфери регіону до його антросфери та етносфери, тобто до чогось, що почало називатись ноосферою (від грецького *ноос* – розум, мисль, смисл, дотеп, а також серце і дух), отже, по суті, духовною сферою (с. 13).